
Все началось с несуразности, совершенно невинной не ловкости, с *gaffe*¹, как говорят французы. Затем пришла попытка исправить свою глупость; но когда пытаешься поспешно починить какое-нибудь колесико в часах, то зачастую портишь весь механизм. Даже сегодня, спустя много лет, я не могу определить, где закончилась неуклюжесть и началась моя собственная вина. Вероятно, я никогда так и не узнаю этого.

В то время мне было двадцать пять лет и я служил лейтенантом в Н-ском уланском полку. Не могу сказать, что когда-либо испытывал особую страсть или внутреннее призвание к офицерской службе. Но когда в старинной австрийской чиновничьей семье за скромно накрытым столом сидят две дочки и четыре вечно голодных сына, то их недолго спрашивают о предпочтениях, а как можно скорее подталкивают к делу, словно пирожки в духовку, чтобы они не слишком обременяли домашнее хозяйство. Моего брата Ульриха, который еще в начальной школе испортил себе глаза учебкой, отправили в семинарию; меня же, по причине крепкого телосложения, отдали в военное училище — оттуда нить жизни разматывается механически, и ее не приходится больше смазывать маслом. Государство берет на себя все заботы. За несколько лет оно бесплатно, по заранее

---

¹ Оплошность (фр.) (Примеч. пер.)

изготовленному казенному образцу, вырезает из бледнолицего мальчишки фенриха¹ с пушком на щеках и доставляет его в армию в готовом к использованию виде.

Однажды, в день рождения императора, когда мне не было еще и восемнадцати лет, состоялся наш выпуск, и вскоре после этого мне на воротник запрыгнула первая звездочка; таким образом, первый этап подошел к концу, и теперь цикл продвижения по службе мог механически продолжаться с установленными интервалами, вплоть до выхода на пенсию и подагры. Служба в кавалерии, которая представляет собой довольно дорогостоящее удовольствие, тоже была не моим личным желанием, а скорее прихотью тетки Дейзи — второй жены старшего брата отца, которая вышла за него замуж, после того как он перешел из министерства финансов на более прибыльную должность президента банка. Эта богачка со снобистскими замашками не могла допустить, чтобы кто-нибудь из ее родственников, тоже носивших фамилию Гофмиллер, «опозорил» семью службой в пехоте; а поскольку эта блажь обходилась ей в сто крон ежемесячно, мне приходилось всецело выказывать ей высшую степень благодарности. Вопрос о том, хотелось ли мне служить в кавалерии или вообще в армии, никого не интересовал, меня в том числе. Однако мне нравилось скакать верхом, и стоило мне оказаться в седле, как я переставал замечать все вокруг.

В ноябре 1913 года из одной канцелярии в другую, должно быть, поступил какой-то приказ, потому что наш эскадрон неожиданно перевели в другой небольшой гарнизон на венгерской границе. Не важно, назову ли я настоящим именем городок, в котором он нахо-

---

¹ Фенрих — военное звание в Австро-Венгерской империи, примерно соответствующее младшему лейтенанту или прапорщику.

дился, или нет, ведь один австрийский провинциальный гарнизон отличается от другого не больше, чем пуговицы на мундире. Повсюду одни и те же казенные элементы: казарма, конный манеж, плац для занятий строевой подготовкой и офицерское казино, а также три гостиницы, две кофейни, кондитерская, винный бар и убогое варьете с потасканными субретками, которые в свободное от выступлений время охотно делят между собой офицеров и одногодичников¹. Где бы ни проходила военная служба, она непременно означает одну и ту же монотонную деятельность, расписанную час за часом в соответствии с жесткими многовековыми правилами, да и досуг в гарнизоне выглядит ненамного разнообразнее. В офицерском казино все те же лица, те же разговоры; в кофейне все те же карточные игры и тот же бильярд. Порой даже удивляешься, как это Богу было угодно, чтобы пейзажи вокруг шестисот или восьмисот зданий такого типичного городка и небо над их крышами время от времени претерпевали изменения.

Однако мой новый гарнизон имел одно преимущество перед предыдущим, галицким: он находился достаточно близко как к Вене, так и к Будапешту, и здесь останавливались скоростные поезда. Те, у кого были деньги, — а в кавалерии всегда служили всякие богачи, в том числе добровольцы, и некоторые из них принадлежали к высшему дворянству, а некоторые являлись сыновьями фабрикантов — могли, если им удавалось вовремя улизнуть, отправиться в Вену на пятичасовом поезде и в полтретьего ночи уже вернуться в гарнизон. Таким образом, у них было достаточно времени, чтобы

---

¹ Одногодичник — военнослужащий, добровольно поступивший на военную службу сроком на один год, после чего он имел право держать экзамен на офицерский чин.

сходить в театр, прогуляться по Рингштрассе, изобразить из себя кавалера и заняться поиском случайных приключений; некоторые счастливики даже имели там постоянную квартиру или снимали номер в гостинице. К сожалению, такие освежающие эскапады выходили за рамки моего ежемесячного бюджета. Единственным развлечением для меня оставалась кофейня или кондитерская, да и там я довольствовался игрой в бильярд или еще более дешевые шахматы, поскольку карточные игры обычно были мне не по карману.

Однажды днем, кажется, в середине мая 1914 года, я, как обычно, сидел за столиком в кондитерской с аптекарем из «Золотого ангела», который по совместительству также являлся вице-мэром нашего гарнизонного городка. Мы давно уже завершили свои обычные три партии и теперь лениво обменивались репликами, чтобы скоротать время, — чем еще можно было заняться в этом гнезде невыносимой скуки? Но и эта пустая беседа уже догорала, подобно сигарете. Внезапно открывается дверь, и на волне свежего воздуха внутрь входит красивая девушка в развевающейся юбке-колокольчике: карие миндалевидные глаза, смуглая кожа, шикарно одетая, в общем, не такая, как остальные провинциалы, — новое лицо в этой Богом забытой глуши. К сожалению, утонченная нимфа не удостоивает нас, застывших в почтительном благоговении, ни единым взглядом; привычно быстрой спортивной походкой она проходит мимо девяти мраморных столиков к стойке и заказывает там *en gros*¹ торты, пирожные и напитки. Мне сразу бросается в глаза, как *devotissime*² склоняется перед ней кондитер, — я еще ни разу прежде не видел, чтобы задний шов сюртука так туго натягивался

¹ Оптом (фр.). (Примеч. пер.)

² Почтительнейше (ит.). (Примеч. пер.)

у него на спине. Даже его жена, эта неотесанная, упитанная провинциальная Венера, которая обычно снисходительно позволяет всем офицерам ухаживать за собой (под конец месяца у нас часто накапливались небольшие долги), поднимается со своего места у кассы, едва не расплываясь от сливовой вежливости. Пока господин Гроссмайер записывает заказ в книгу, милая незнакомка, беззаботно закинув в рот парочку пралине, обменивается парой слов с его женой; мы усердно, возможно, даже излишне усердно вытягиваем шеи, но молодая дама по-прежнему не смотрит в нашу сторону. Разумеется, она даже не думает утруждать свои прелестные ручки покупками; госпожа Гроссмайер покорнейшим образом заверяет ее, что все свертки будут доставлены домой. Расплачиваться у кассового аппарата наличными, как это делаем мы, простые смертные, красавица тоже не стала. Сразу понятно: благородная клиентура, высший сорт!

Сделав заказ, она поворачивается к выходу, и господин Гроссмайер торопливо выскакивает вперед, чтобы открыть перед ней дверь. Господин аптекарь тоже поднимается с места и почтительно кланяется красавице, пока та проплывает мимо нас. Она благодарит с любезностью императрицы — боже, какие прекрасные бархатные глаза, как у лани! — и я с трудом дожидаясь, пока она, усыпанная сладкими комплиментами, покинет магазин, чтобы тут же с нетерпением спросить у моего партнера, откуда в нашем курятнике появился этот лебедь.

— А вы разве не знакомы с ней? Это же племянница господина Кекешфальвы (я назову его так, хотя в действительности его имя звучит иначе), вы ведь знаете господина Кекешфальву?

Кекешфальва: он произносит это имя так, будто швыряет банкноту в тысячу крон, и смотрит на меня, словно ожидая, что я тут же отзовусь благоговейным

эхом: «Кекешфальву? Конечно же!». Но я, недавно переведенный сюда лейтенант, которого лишь волей случая занесло в этот гарнизон, не имею ни малейшего представления о таинственном божестве и вежливо прошу предоставить дальнейшие объяснения, что господин аптекарь и делает — со всем упоением провинциального тщеславия и, конечно же, намного более пространно, чем это пересказываю я.

Кекешфальва, объясняет он мне, самый богатый человек во всем округе. Почти все принадлежит ему; не только замок Кекешфальва — «Вы наверняка видели его с учебного плаца, слева от шоссе, этот желтый замок с плоской башней и большим старым парком», — но и большой сахарный завод по дороге в Р., лесопилка в Бруке, а также конюшня в М.; ему принадлежит все это и еще шесть или семь домов в Будапеште и Вене. «Да уж, сложно поверить, что рядом с нами есть такие богатейшие люди, но господин Кекешфальва живет как настоящий магнат. Зиму он проводит в небольшом венском особняке на Жакенгассе, а лето на курортах; тут, собственно, он бывает лишь пару месяцев весной, но, Богом клянусь, для нас эти месяцы являются самыми незабываемыми! Квартеты из Вены, шампанское и французские вина, все только лучшее, только первого сорта!» Если я захочу, господин аптекарь с удовольствием познакомит меня с ним, ведь он — тут следует самодовольный жест — дружит с господином Кекешфальвой, часто имел с ним дела в прошлые годы и знает, что тот всегда охотно принимает у себя офицеров; одно его слово, и меня непременно пригласят.

А почему бы и нет? В болоте такого провинциального гарнизона невольно начинаешь задыхаться. Прогуливаясь по главной улице, осознаешь, что уже знаешь в лицо всех женщин; знаешь, какая у каждой из них

летняя и зимняя шляпка и какое платье является будничным, а какое праздничным. Знаешь их собак, служанок и детей — и в лицо, и со спины. Знаешь каждое блюдо, которое в состоянии приготовить богемская повариха-толстуха из офицерского казино, и знаешь, что при взгляде на вечно одинаковое меню в трактире зачастую пропадает аппетит. Знаешь наизусть каждое название, каждую вывеску, каждый плакат в каждом переулке, каждый магазин в каждом здании и каждый товар в каждом магазине. Знаешь не хуже самого обер-кельнера Ойгена, в какой час в кофейне появится окружной судья и что он займет место в углу слева у окна и ровно в четыре тридцать закажет себе кофе с молоком, в то время как нотариус придет ровно через десять минут, в четыре сорок, из-за несварения желудка (наконец хоть какая-то перемена) выпьет чашечку чая с лимоном и, покуривая, как обычно, свою виргинскую сигару, расскажет привычные анекдоты. Да что уж там, знаешь все лица, все мундиры, всех лошадей, всех кучеров, всех попрошайек по всему округу, знаешь самого себя до отворачивания. Почему бы хоть раз не вырваться из этого замкнутого круга? Тем более что я снова смогу увидеть эту прелестную девушку с бархатными карими глазами! Итак, приняв решение, я с напускным равнодушием (только бы не выказать свою радость перед этим тщеславным пиллольщиком!) говорю своему покровителю, что, конечно, мне было бы приятно познакомиться с семьей господина Кекешфальвы.

И действительно — смотри-ка, браваый аптекарь не соврал! — уже через два дня он, раздуваясь от гордости, заходит в кофейню и покровительственным жестом протягивает мне напечатанное приглашение, в которое каллиграфическим почерком вписано мое имя; в приглашении говорится, что господин Лайош фон Кекешфальва

приглашает господина лейтенанта Антона Гофмиллера на ужин в среду в восемь часов вечера. Что ж, я тоже не лыком шит и знаю, как вести себя в таком случае. Уже воскресным утром я гладко брею щеки, капаю немного одеколона на усы, надеваю свой лучший наряд, белые перчатки, лакированные ботинки и выезжаю, чтобы нанести визит вежливости. Слуга — старый, сдержанный, в красивой ливрее — берет мое приглашение и, извиняясь, бормочет, что господа будут очень расстроены тем, что пропустили визит господина лейтенанта, но, к сожалению, они в церкви. «Тем лучше, — думаю я, — визиты вежливости — самое неприятное занятие, как на службе, так и вне ее. В любом случае, ты свой долг выполнил. В среду сходишь к Кекешфальве, и, будем надеяться, все пройдет гладко». Однако, обнаружив через два дня, то есть во вторник, визитку господина Кекешфальвы, оставленную в моей комнатке, я искренне обрадовался. «Какие, однако, безупречные у некоторых людей манеры, — подумал я. — Уже через два дня после моего визита вежливости встречный визит ко мне, младшему офицеру, — на большую учтивость и уважение не мог бы рассчитывать даже генерал!» И теперь я с действительно хорошим предчувствием жду вечера среды.

Однако судьба с самого начала решила сыграть со мною злую шутку — видимо, нужно было оставаться начеку и обращать больше внимания на всякие приметы. В среду, в полвосьмого вечера, я уже наготове: парадный мундир, новые перчатки, лакированные ботинки, стрелки на брюках отупоужены до остроты лезвия. Мой денщик как раз расправляет складки на моей шинели и еще раз оглядывает, все ли в порядке (мне всегда приходится прибегать к его услугам, поскольку в моей плохо освещенной комнатке имеется лишь небольшое ручное зеркальце), как вдруг раздается стук в дверь:

посыльный. Дежурный офицер, мой приятель, ротмистр граф Штайнхюбель, просит меня подойти к нему в казарму. Двое улан, по всей видимости вдрызг пьяные, подрались, и один ударил другого карабином по голове. Теперь этот рохля лежит там, весь в крови, без сознания и с раскрытым ртом — непонятно вообще, цел ли его череп. Однако полковой врач умчался в отпуск в Вену, а полковника попросту не могут найти; поэтому, оказавшись в затруднительном положении, мой друг Штайнхюбель, будь он не ладен, послал именно за мной, чтобы я его выручил, пока он позаботится о пострадавшем, и теперь я должен составить протокол и отправить посыльных во все концы с приказом быстро разыскать в кофейне или еще где-нибудь гражданского врача. Тем временем уже без четверти восемь, и я понимаю, что в следующие пятнадцать или тридцать минут точно не освобожусь. Черт побери, почему этот переполох должен был случиться именно сегодня? Сегодня, когда меня пригласили в гости! Все с бóльшим нетерпением я поглядываю на часы; прийти вовремя уже не удастся, даже если я провожусь здесь еще каких-нибудь пять минут. Но служба превыше всяких личных обязательств — это уж нам точно вбили в голову. Поскольку улизнуть нельзя, я делаю единственно возможное в этой непростой ситуации — посылаю своего денщика на фиакре (это удовольствие обходится мне в четыре кроны) к Кекешфальве с просьбой извинить меня, если я опоздаю в связи с непредвиденными служебными обстоятельствами, и так далее, и тому подобное. К счастью, суета в казарме продолжается не слишком долго, поскольку вскоре появляются и полковник, и врач, которого где-то разыскали, так что теперь я могу незаметно смыться.

Но мне снова не везет: как назло, именно сегодня на площади перед ратушей нет ни единого фиакра, и мне

приходится ждать, пока по телефону вызовут восьми-копытный экипаж. Так что, когда я наконец захожу в просторный холл замка Кекешфальвы, минутная стрелка настенных часов уже смотрит вертикально вниз, показывая ровно полдевятого вместо восьми, и я вижу, что верхняя одежда в гардеробе уже висит вплотную друг к другу. По несколько озадаченному виду слуги я замечаю, что опоздал прилично — неприятно, весьма неприятно, да еще и при первом визите!

Тем не менее слуга — на этот раз в белых перчатках, фраке, накрахмаленной рубашке и с неподвижным лицом — успокаивает меня (мол, денщик доставил мое послание полчаса назад) и проводит в салон, чрезвычайно элегантную комнату с четырьмя окнами, обшитую красным шелком и сияющую хрустальными люстрами; еще никогда я не видел ничего более роскошного. Однако, к моему сожалению и превеликому стыду, оказывается, что салон совершенно пуст, а из соседней комнаты доносится веселый звон тарелок. «Какая же досада, — думаю я, — они уже сидят за столом!»

Но ничего не поделаешь, я беру себя в руки и, как только слуга открывает передо мной раздвижную дверь, подхожу к порогу столовой, резко щелкаю каблуками и кланяюсь. Все смотрят на меня. Двадцать, сорок глаз, абсолютно незнакомых глаз, разглядывают запоздалого гостя, который в не очень уверенной позе застыл перед дверью. Сразу же поднимается пожилой господин, несомненно, хозяин дома; быстро убрав салфетку, он подходит ко мне и приглашающим жестом протягивает руку. Я представлял себе дородного помещика, с мадьярскими усами и толстыми, покрасневшими от хорошего вина щеками, но господин фон Кекешфальва выглядит вовсе не так. За золотыми очками скрываются слегка усталые глаза, а под ними видны сероватые мешки, плечи выгля-